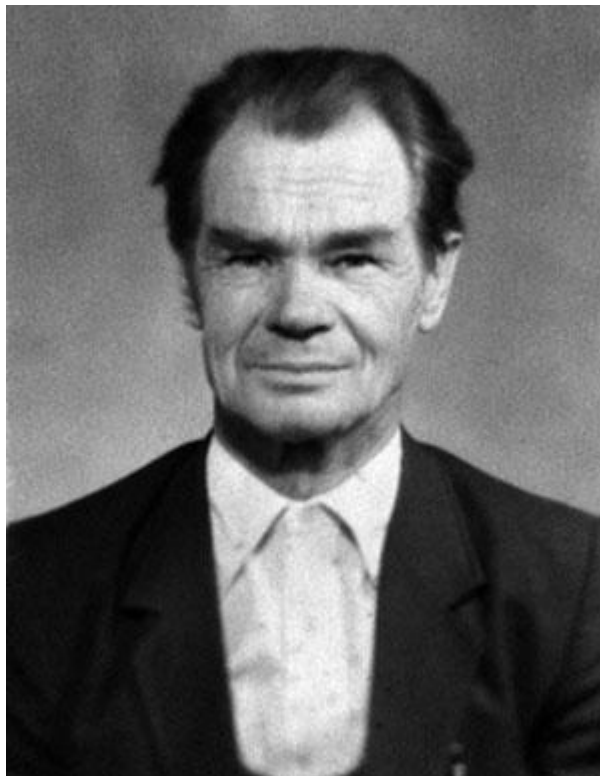

Анисимов Александр Дмитриевич

Опубликовано 04 января 2011 года

Я родился 18 августа 1926 года в городке Колпашево Томской области. Семья у нас была очень большая, но война по ней прошла словно катком... Оба моих старших брата погибли на фронте... Бориса 1922 г.р. призвали еще в 1941 году, но последнее письмо от него пришло в марте 43-го и все, ни слуху ни духу... А про Гришу, он был 1924 г.р. вообще ничего не знаем до сих пор...

Но просто страшный удар война нанесла по семье моей мамы. У них в семье было две сестры и девять братьев, так представьте себе, что все они пошли на фронт, но только один из них вернулся с войны, да и то инвалидом, а все остальные погибли... (В базе данных ОБД-Мемориал есть данные по трем братьям Анисимовым: Александр 1910 г.р. погиб в августе 1942 года; Петр 1913 г.р. пропал безвести в январе 1944 года; Федор 1915 г.р. погиб в июле 1944 года - прим. Н.Ч.)

По материнской линии я настоящий сибирский казак. Мамин отец - Евсей Леонтьевич был настоящий трудяга и пахарь, каких еще поискать, поэтому и жили они зажиточно. Он всем своим детям в Тогуре, это в восьми километрах от Колпашево, построил дома, казалось бы, жить да жить, радоваться, но проклятая война все перечеркнула... Хорошо, что дед не дожил до начала войны...

А отец у нас, по-моему, был ленинградский что ли и в наши края его прислали на руководящую работу. Но после того как он женился на моей маме - дочери кулака, то понеслось... Его постоянно понижали в должностях и после такой "заботы" со стороны местных властей он сильно заболел и в 39 лет умер... Мне тогда было лет двенадцать, но об отце у меня навсегда сохранились самые светлые воспоминания, и талантами я, судя по всему, тоже пошел в него. Научил меня в раннем возрасте играть в шахматы, кататься на коньках и на лыжах, вообще поощрял любые мои увлечения. И талант к рисованию мне тоже достался от отца.

А после седьмого класса я поступил в художественное училище в Нижнем Тагиле. Вот там меня и застала война, и именно оттуда я ушел на фронт.

Родители и дедушка с бабушкой
Анисимова А.Д.

Как вы узнали о ее начале?

Не помню уже, наверное, как и все из сообщения по радио. Вы поймите меня правильно, столько лет уже прошло, и я сейчас иной раз не могу вспомнить, как меня зовут, а уж не то, что было почти семьдесят лет назад...

Я продолжал учиться в училище, но в 44-м году мама мне прислала письмо, что на фронте погиб уже восьмой ее брат... Почитал я его, прослезился, и душа прямо горела отомстить за всех моих погибших близких. Как раз приближался срок призыва, и я пошел в военкомат проситься в армию, но мне отказали: "Так

тебе же еще нет восемнадцати лет". - "18 августа исполнится". - "Вот тогда сразу и призовем".

И где-то в августе 44-го меня призвали. Месяца два, наверное, проучился на пулеметчика в запасном полку и только потом нас направили на фронт. А когда нас начали распределять по подразделениям, то я попросил: "Хочу быть поближе к немцам, чтобы отомстить за всех моих родственников. Чтобы увидеть, что хоть одного точно убил". И тогда меня направили в ... 109-ю отдельную штрафную роту, но не за то, что я чем-то проштрафился, а в качестве пулеметчика. Но на фронте я пробыл совсем недолго, месяца два, три максимум, потому что когда в январе 45-го пошли в наступление, то 12 января меня тяжело ранило.

Воевали мы в Польше. (109-я отдельная штрафная рота воевала в составе 5-й Гвардейской Армии, которая в период с августа по декабрь 44-го вела тяжелые оборонительные бои на сандомирском плацдарме - прим. Н.Ч.)

Почти вся рота состояла из бывших заключенных. Но эти уголовники и сами были рады тому, что оказались на фронте, потому что знали, что если выживут, то с них снимут судимость. А некоторые даже так говорили: "Пусть лучше убьют, чем 10 лет в тюрьме сидеть". И вы знаете, про этих людей у меня остались самые наилучшие воспоминания. Ребята были очень хорошие, да и я тоже хоть и был совсем молодой, но умел с людьми ладить. Поэтому когда командир роты мне предложил: "Саша, может пора тебя перевести в обычное подразделение?", я отказался, потому что уже нашел с ними общий язык.

Вспоминается такой эпизод. Между нами и немцами было метров триста, и я штрафникам так говорил: "Ребята, в тыл вы все равно не убежите, у вас только один выход - вперед". - "Хорошо, мы так и сделаем". И как раз в ночь на 7 ноября несколько человек из них самовольно полезли к немцам, вырезали пулеметный расчет, и в числе прочих трофеев принесли оттуда спиртное. Выпили и громко запели песни. Но немцы как начали по нам шуровать. Ночью еще ничего, а под утро прямо начали мешать в кашу... В этом плане немцы оперативно работали.

А ранило меня так. Когда началось наступление провели такую артподготовку - страшнейшую, что казалось ничего живого не осталось, а поднялись вперед, но какой немцы дали ответ... А мы с дружкой так договорились: "Следи ты за мной, а я за тобой". И когда уже ворвались в немецкие окопы, один высоченный фашист бросился на меня с кинжалом, но я успел увернуться и он только слегка порезал мне кожу на голове, и тут подоспел мой друг - всадил ему в спину штык... Фактически спас мне жизнь, а я даже имени его не помню.

Пошли дальше, но уже через пару минут рядом видно взорвался снаряд или мина, потому что я получил в правый бок и спину множественное осколочное ранение. Но ничего этого я не помню, потому что очнулся только на подводе, когда меня везли медсанбат.

Привезли туда, а там лежит человек сорок раненных, и стоит такой шум, гам, потому что кому руку отрезали, кому ногу... Я на это дело посмотрел, и когда меня повезли в операционную, говорю женщине-хирургу: "Доктор, я не могу видеть, как люди кричат от боли, поэтому ради бога отдайте мой наркоз тем, кто кричит, а меня оперируйте так". - "У вас тяжелое ранение и нам придется в вас ковыряться часа два". - "Ничего, я потерплю". Лег на живот и за все время операции ни разу не пикнул. Правда, у меня в легком один осколок до сих пор сидит. А после операции встаю: "Ну ладно, я пошел". - "Куда, псих? На носилки его".

Потом меня перевезли в госпиталь во Львов, и вот там произошел страшный случай. Как-то захожу в одну палату и вижу знакомое лицо. Но от этой страшной картины даже не сразу догадался, что это капитан - мой командир роты. От него почти ничего не осталось, ни рук, ни ног... От его вида мне стало плохо, даже прибежала медсестра. Привели меня в чувство, и он мне говорит: "Саша, извини, я не знал, что ты так среагируешь..." - "За что извини, ты посмотри, что они с тобой сделали..." Вот не помню, к сожалению, как его звали. И он меня попросил: "Отнеси меня к окошку, воздухом подышать, и я хоть на улицу посмотрю". Только его отнес, и он меня еще попросил: "Принеси водички". Возвращаюсь, а его уже нет... Он как колобок вывалился в это окно, и с четвертого этажа насмерть, конечно... По-моему у него была и жена и ребенок, но где-то я его понимаю, куда ему в таком виде ехать?..

Ко мне сразу вопросы: "Зачем ты его отнес?" Но разве я мог отказать своему командиру, ведь даже и подумать не мог, что он решился на такое... Тем более, что вся палата меня тоже просила: "Саша, отнеси его", и понятно отстали от меня. А вскоре из Львова меня направили в Тбилиси, где в эвакогоспитале №2464 я пролежал до середины июня.

Именно в тбилисском госпитале мы узнали о Победе. Пришел один грузин и нам рассказал. Наше счастье, радость, словами не передать... По-моему, даже бутылки какие-то появились, но я всю жизнь не пил и не курил и даже на передовой свою норму водки и махорки всегда отдавал ребятам.

А у меня на фронте был интересный случай. Однажды, как раз тот самый командир роты приказал мне отконвоировать в штаб нашей Армии одного пленного. По-моему это был даже генерал, ну или, во всяком случае, старший офицер. Лет сорока пяти-пятидесяти, высокий, нормального телосложения, и что меня особенно удивило весьма неплохо говорил по-русски. И по дороге он меня начал уговаривать: "Отпусти меня, а за это я подарю тебе свои золотые часы". Я ему сразу сказал, что не отпущу, пусть даже не просит, но когда мы пришли в штаб, он при всех подарил мне их на память. Такие большие, золотые видно очень дорогие карманные часы на толстой цепочке.

И когда мы узнали о Победе, то у меня случился такой порыв, что я пошел к начальнику нашего госпиталя и подарил ему свое главное богатство - эти трофейные часы. Потому что это был очень хороший врач и человек, который ко всем относился как отец родной, а согласитесь это большая редкость. Он отказывался, не хотел их брать, но я ему сказал: "Поймите, это же не взятка, а просто я вам по случаю Победы хочу сделать подарок от всей души".

Из Тбилиси через Москву поехал домой. Приезжаю, и оказалось, что маму как дочь кулака выселили из нашего домика в землянку... Значит как отправить всех трех сыновей на фронт - не дочь кулака, а тут вдруг чуждый элемент... Тогда я сел и написал письмо Ворошилову. И что вы думаете? Вскоре из Москвы пришел ответ, чтобы местные власти в течение трех дней решили вопрос с нашим жильем. И нам с мамой выделили однокомнатную квартиру.

У вас есть боевые награды?

На фронте, конечно, ни о каких наградах даже речи не шло и уже только спустя годы после войны мне вручили медаль "За отвагу".

Вы можете оценить немцев как солдат?

Вояки они неплохие, даже хорошие. Но кто лучше, мы или они, я не могу сказать и, наверное, и не должен так судить. Но я считаю, что немцы и Гитлер, прежде всего, сделали роковую ошибку, когда решились на нас напасть. Все-таки с нашим народом справиться нельзя.

Но вот во время войны у вас не было ощущения, что мы воюем с неоправданно высокими потерями?

В целом я считаю, что по-другому победить было невозможно, уж очень сильный у нас был враг. И я думаю, что здесь еще очень многое зависело от самих командиров подразделений. Да, слухи такие ходили, что там не надо было, там, но лично мне самому такого видеть не пришлось.

Правда, я же сам видел, что штрафников совсем не жалели. Как их постоянно гоняли в разведки боем... И даже наш командир роты, который был душевный человек и находил с штрафниками общий язык, но и он понимал, что послать больше некого... А кого?!

Но вы знаете, что удивительно? У нас совсем не было принято разговаривать на тему смерти и ранений, поэтому я тоже как-то не особенно задумывался о том, что могу погибнуть в любой момент. Вот как-то совсем не думал о смерти, может, поэтому они и обошла меня стороной?

А вам самому убивать приходилось?

Я же был пулеметчиком и из своего "максима" стрелял очень много, но вот так, чтобы выстрелить в упор и точно знать, что это именно я убил, такого не было.

Что вы чувствовали тогда к немцам? Приходилось ли видеть, например, случаи жестокого обращения с пленными?

Конечно, я, как и все чувствовал к ним ненависть как к смертельному врагу, но чтобы пленных били, или тем более убивали, я такого не видел. Ведь, например, когда я тогда конвоировал этого генерала, то вполне мог его и убить по дороге, но у меня даже и мысли такой не появилось.

Политработники среди штрафников пользовались авторитетом?

Вы знаете, почему-то ни политработников, ни каких-то других посторонних людей я в расположении нашей роты и не помню.

А с особистами не пришлось общаться? Большинство ветеранов признается, что им пришлось присутствовать при показательных расстрелах.

С особистами я не общался и показательных расстрелов не видел ни разу.

Ваше отношение к Сталину?

Конечно, после того потока информации и тех разоблачений, которые последовали после начала перестройки, думаю, что мы получили более верное представление о его личности. К тому же я и сам из семьи пострадавших. А какие ужасные вещи про него говорили штрафники... И на три и на четыре, и на сколько хотите букв называли, ненавидели его просто ужасно. И это притом, что они были простыми уголовниками, а не политзаключенными. Но что еще удивительнее, когда пошли в атаку кричали: "За Родину, за Сталина!"

С людьми каких национальностей вам пришлось вместе воевать?

Сейчас в это трудно поверить, но тогда я даже не понимал этого, потому что в то время мы на национальности людей не обращали никакого внимания. Поэтому сейчас мне на всю эту вакханалию просто дико и больно смотреть... Ведь я же сам отлично помню, какой Тбилиси был хороший город, а люди вообще золотые. И что сейчас сделали с людьми, я не понимаю...

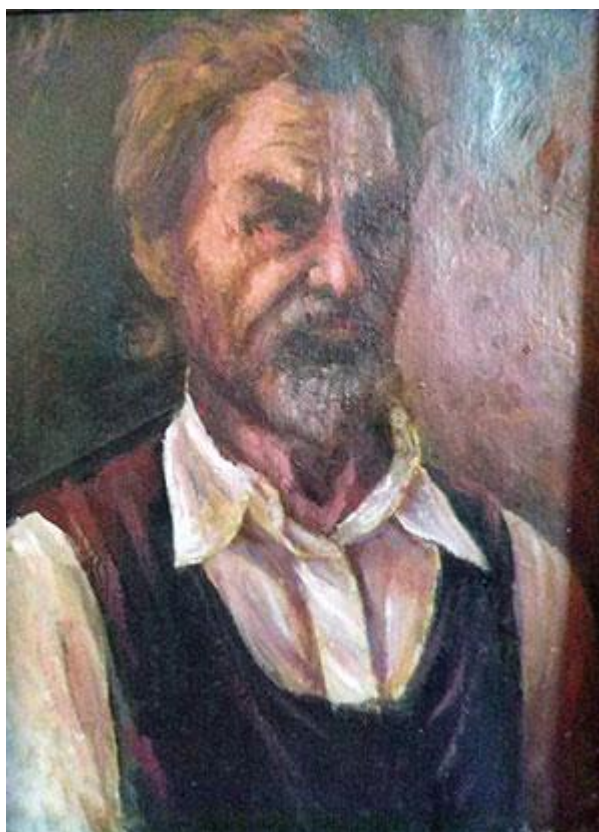
Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

Когда вернулся домой, то пошел доучиваться в школу. А потом решил, что нужно продолжить художественное образование, отправил свои работы в Москву в заочный университет искусств и поступил. Окончил его и с тех пор всю жизнь работаю художником. Вначале у нас в Колпашево преподавал рисование в Доме пионеров и школьников. Но как-то поехал в гости к своему дяде в Измаил, и он мне сказал: "Я тебя не отпущу". Год проработал в местном матросском клубе и в театре, но потом мне подсказали поехать в Бельцы. Приехали с женой, сели на вокзале и не знаем куда идти. Но одна добрая женщина-буфетчица обратила на нас внимание: "Что вы тут сидите? Пойдемте ко мне".

И вот так с 1963 года мы живем в Бельцах. Вначале работал на ТЭЦ, а потом устроился художником-декоратором в Горторг и проработал там до самого выхода на пенсию. Помню, когда только начинал там работать произошел один смешной случай. В одном магазине напротив церкви в витрине была сложена горка из винных бутылок, а над ней висел плакат Ленина и надпись: "Верной дорогой идете товарищи!"

Но у нас же пятеро детей, а нормальную квартиру не дают. Несколько лет простояли в льготной очереди, а дело все не двигалось, и тогда моя супруга не выдержала и написала письмо Терешковой, и нам как многодетной семье сразу выдали квартиру.

Но в 2007 году случилась беда. Мой зять подарил мне небольшой домик в Тамбовской области. Село Граждановка в Бондарском районе. Предварительно съездил, посмотрел, мне все понравилось, и тогда я решил переехать в Россию на ПМЖ. Но пока вернулся в Молдавию оформлять все документы оказалось, что мой дом разобрали и разворовали... Приехал фактически на

Автопортрет

пустое место. Пошел к участковому: "Разве вы не видели и не могли пресечь?" А он вместо того, чтобы разобраться и помочь сказал мне: "Даю вам 24 часа, чтобы убраться отсюда!" И что самое обидное, он ведь сам афганец и тут такое отношение к фронтовику... Насколько мне удалось узнать, что вроде бы какая-то женщина имеет виды на мой участок и видно заинтересовала этого участкового.

Что мне оставалось делать, не воевать же с ними. Вернулся в Бельцы, но все свои молдавские документы я уже сдал и вот с тех пор уже три года никак не могу их восстановить и поэтому не получаю пенсии... Фактически остался без права на жизнь. И как я должен поступить - надеть ордена и идти попрошайничать? Эта волокита тянется уже три года, но ведь должна же быть какая-то справедливость...

Моя жена не выдержала этих издевательств и написала письмо на имя Медведева, но мне об этом не сказала, потому что знает, что я жаловаться не люблю. И когда мне позвонили то ли из администрации президента, то ли из посольства, я растерялся. Позвал ее: "Что же ты меня не предупредила", и сказал им: "Сами разберемся". Она как это услышала, чуть не отлупила меня, а потом заплакала...

Но я все равно не сдаюсь. Вообще я считаю, что настрой, дух - это самое главное! И труд, он может даже поважнее будет. В детстве я ведь больше жил и воспитывался в семье деда и бабушки, был их любимчиком, и вот тогда они меня буквально заразили болезнью к труду. Так меня воспитывали, что всего можно добиться своим трудом. Поэтому я до сих пор не могу и не умею сидеть и ничего не делать, стараюсь хоть как-то работать, но здоровье, конечно, уже не то. Но я все равно не сдаюсь! Конечно, жизнь получилась тяжелая, довелось пережить много горестей и трудностей, но я ни о чем не жалею и если бы мне дали еще одну, то прожил бы ее точно так же.

Интервью и лит.обработка: Н. Чобану